

чество османов преобразовалось в правильную, упорядоченную, наследственную монархию.

Сам состав этого турецкого государства и происхождение его из разнородных, чуждых провинций делали его подходящим материалом для новой всемирной монархии. Жажда завоевания и дикая храбрость — слишком обычные свойства первобытных варварских племен, чтобы их было достаточно для создания больших государств. Будущее османов своим правильным ростом было обязано постепенному, дальновидному движению от одного завоевания к другому. Разложение сельджукской монархии в Анатолии, прекращение крестовых походов, падение и раздробленность греческой и франкской силы по сю сторону Геллеспонта — таковы внешние условия, благоприятствовавшие возникновению турецкого государства, основатели которого почти все без исключения были не только замечательные полководцы, но и глубокомысленные государственные люди.

Исконная, усовершенствованная Орханом военная дисциплина дала туркам решительный перевес над беспорядочными бандами греческих наемников. Их национальное чувство, приподнятое героической традицией, сообщало им единство и аристократическую гордость, а простое религиозное содержание Корана всецело подходило к их азиатской натуре.

С точки зрения чистого монотеизма ислама, христианство, загроможденное непонятными догматами, извращенное фантастическими уродствами культа святых, казалось туркам язычеством и идолопоклонством. Хотя османы повсюду в покоренных греческих городах Малой Азии обратили лучшие соборы и церкви в мечети, а в монастырях устраивали свои школы или медресе, они все же были терпимее к христианам, чем латиняне или греки по отношению к неверным и еретикам. Их ненависть к христианам и магометанский фанатизм умерялись благоразумием и необходимостью щадить поработанных греков. Наконец, их фанатизм наполнял их презрением к смерти и делал героев из поклонников пророка, как делало героями крестоносцев их христианское благочестие.